

Б.Н.Ковалев

К ВОПРОСУ ОБ УНИЧТОЖЕНИИ И ПОВРЕЖДЕНИИ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ В ПРИГОРОДАХ ЛЕНИНГРАДА (1941—1944 ГГ.)

Анализируется роль союзников нацистской Германии в уничтожении памятников архитектуры в пригородах Ленинграда, в частности, испанской Голубой дивизии. Это вооруженное формирование находилось в 1941—1943 годах на Северо-Западе России в качестве военного союзника нацистской Германии. Официально Испания не объявляла Советскому Союзу войну, поэтому Голубая дивизия считалась добровольческим вооруженным формированием в составе Вермахта. Испанские солдаты в 1942—1943 году находились в Пушкине и Павловске.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Северо-Запад России, «Голубая дивизия», оккупационный режим, уничтожение памятников архитектуры

Любая война приносит неисчислимые страдания. Гибнут люди, разрушаются не просто здания, но и выдающиеся памятники архитектуры. Трагическая судьба дворцовых комплексов под Ленинградом в годы Великой Отечественной войны затрагивает не только Россию, но и все человечество. При этом не только гитлеровские оккупанты приложили к этому варварству руку, но и другие военные союзники III Рейха.

Оценивая ущерб, причиненный тому или иному объекту, нужно выделить несколько составляющих этого понятия. Это может проявляться в следующем: разрушение, повреждение, расхищение и различные формы вандализма: надписи, рисунки и т. п.

На судебных процессах 40-х годов XX века, которые проходили в СССР, обвинялись, в первую очередь, непосредственно сами гитлеровцы. Именно они объявлялись виновниками совершенных преступлений. При этом участие их союзников в преступных деяниях зачастую или замалчивалось, или уходило на второй план.

В июне 1941 года, с началом войны нацистской Германии против Советского Союза, министерство пропаганды III Рейха объявило о начале «Крестового похода народов Европы против большевизма». В боевых действиях в нашей стране приняли участие союзные вермахту вооруженные силы Финляндии, Румынии, Италии, Словакии, Венгрии и Испании.

Испанские фалангисты ждали того счастливого дня, когда они вместе с немецкими союзниками гордо пройдут по улицам Москвы. Этим мечтам сбыться было не суждено. Вместо того, чтобы ввести дивизию в сражения на центральном участке фронта, ее переадресовали в группу Лееба, отправив под Великий Новгород, на Волховский участок, где она находилась до августа 1942 года. К этому времени германское командование приняло решение о переброске дивизии на более важный участок фронта: под Ленинград, в блокадное кольцо немецких войск вокруг города на Неве.

Ленинградская область (до войны в нее входили новгородские и псковские территории) нацистов интересовала только как «Ингерманландия», будущая зона немецкой колонизации. В ней, по плану «Ольденбург», не планировалось развивать промышленность и вести активную хозяйственную деятельность. Соответственно, советские города, предприятия и жители обрекались на уничтожение и вымирание [1, с. 268].

В 1942 г. война испанцев в России продолжалась. Их появление на новом участке фронта было вполне объяснимо. Гитлеровцы стягивали силы для подготовки очередного штурма Ленинграда. 11 августа 1942 г. испанские солдаты погрузились в поезд и отправились от Ильмена на север. Зона ответственности испанской дивизии теперь была определена в ближайших пригородах Ленинграда: в Красногвардейске (Гатчине), Пушкине и Слуцке (Павловске) [2, р. 202].

Кардинальным образом менялась обстановка, где должны были находиться испанские солдаты. Кроме гораздо более тесного взаимодействия с немцами (по сравнению с тем, что было на Волховском участке фронта), на смену небольшим бедным новгородским деревням пришли пригороды бывшей имперской столицы.

Первое впечатление стало самым запоминающимся: «Пробираясь от Антропино по холмам через деревья, генерал Муньос Грандес понял, что приближается к тому, что было имперской столицей огромной державы некогда могущественных Романовых. Здесь, в пригороде вокруг летнего дворца царей, русская аристократия построила виллы и дачи, окружив их прекрасными парками, которые заграждали их от дороги.

Спустившись с холма в долину Павловска (Слуцка), он проехал через ворота дворца Павла I, сына Екатерины Великой. Чуть поодаль мост через реку Славянку вел в северную половину маленькой деревушки.

Старинные деревянные дома были местом летнего отдыха петербургской буржуазии. В 4 километрах был Пушкин (Царское село), город с населением 30 тыс., широкими прямыми улицами с многочисленными виллами.

Проезжая по Кадетской улице, генерал заметил, что Гусарские казармы и Артиллерийские квартиры справа и слева разрушены огнем. Повернув направо, он был ошеломлен величием дворца императрицы Екатерины II.

Огромное зелено-белое здание, увенчанное пятью золотыми куполами дворцовой церкви, располагалось в английском парке за прудом. Когда-то ухоженные сады были украшены беседками, триумфальными арками,

гротами, живописными мостиками и искусственными руинами. Теперь, после года бомбежек, вокруг были руины, настоящие руины. Собор святой Екатерины был разрушен. Провалы от снарядов зияли в Александровском дворце. За Триумфальной аркой у Московских ворот, за Ленинградской троллейбусной станцией лежала линия фронта» [2, р. 216].

Ленинград ожесточенно сопротивлялся, а вместо обещанной славы и победы испанцы несли тяжелые потери. Одним из символов смерти стал для них дворец в Павловске: «Интуиция Муньоса Грандеса не подвела. Авторитета перед Ленинградом он не заслужил. Славы не было, а смерть была кругом. Три дивизионных кладбища перед полукруглым дворцом Павла I в Павловске продолжали заполняться. Начавшиеся осенние дожди, серое небо, мокрые падающие листья делали похороны еще печальнее. Траншеи превратились в болото, колеса гаубиц вязли, дороги развезло. Вновь пришла *gasputitsa*» [2, р. 223].

Уже в начале XXI века непосредственный участник боев под Ленинградом К.В.Виноградов вспоминал об этих днях: «Загорелые, откормленные контрактники-франкисты буквально засыпали минами и снарядами защитников города на Неве. Воевали они за деньги. Часто посылки из дому получали с фруктами, шоколадом, вином...

А патронов вообще не жалели: стреляли от зари до зари. А мы не могли им даже отвечать, так как у нас был каждый патрон на счету. Только наши снайперы немного их утихомиривали...» [3].

В машинописной работе В.П.Лучиной «Павловск в годы войны 1941—1945», которая была подготовлена как с привлечением архивных материалов, так и с опросами очевидцев (данная работа была выполнена в 1969—1970 гг.), испанцам посвящены лишь четыре небольших абзаца. Причем в них содержатся и неточности (например, время прибытия испанцев в город): «Следует помнить, что в Павловске хозяйничали не только немецкие оккупанты. Здесь находилась также и испанская “Голубая дивизия” (на улице Красного курсанта).

По всей вероятности, испанцы пришли сюда не ранее второй половины 1943 года (ошибка почти на год — Б.К.), когда основная масса жителей города уже была угнана в концлагеря в Германию.

Пребывание испанцев в Павловске не оставило следа ни в воспоминаниях современников (во всяком случае, тех, с кем мне пришлось беседовать), ни в архивных документах, ни в печатных источниках.

По всей вероятности, испанцы не зверствовали так, как немцы, а некоторые свидетели говорят, что испанцы немцев ненавидели, больше, чем русских (из беседы с М.Р.Романовым)» [4, с. 36].

Более беспощадны в своих формулировках к испанским солдатам акты ЧГК. Понятно, что в первые месяцы освобождения после оккупации иначе быть не могло: «В Пушкине, кроме немцев, одно время размещались австрийские части, а осенью 1942 года их сменила испанская “Голубая дивизия”. Были тут финны, бельгийцы и другие любители “пера и топора”. Все они отличались коварством и жестокостью в сочетании с европейской деликатностью. Немцы свысока смотрели на своих союзников, не доверяли им. Нередко между ними возникали конфликты, особенно из-за женщин и при дележе добычи — трофеев. [4, с. 36].

В дневнике русской коллаборационистки Лидии Осиповой, которая 25 мая 1942 года переехала со своим мужем на жительство из Пушкина в Павловск 22 июня этого же года появляется следующая запись: «Идут разговоры, что к нам скоро придут испанцы. Знаменитая “Голубая дивизия”. Посмотрим потомков гордых хидальго» [5, с. 136].

К «идейному антибольшевизму» испанских солдат Осипова относится крайне скептически. Вернее, она считает, что этого у них вообще нет: «Испанцев пропаганда совершенно не интересует. Это дело немцев, по их мнению, а они только гости. И им совершенно наплевать на все русские и нерусские дела в мире. И на всю политику. Это просто наемники, которые решили подработать денег на войне. Как в Средние века. Только теперь стараются заработать на автомобиль, а тогда на лошадь и на хорошую землю. Мой портной Маноло так и считает, как только будет довольно на покупку автомобиля — он едет домой и женится на своей Пепите. Вот и вся их политика» [5, с. 149-150].

После побед Красной армии в 1943 году руководству Испании стало понятно, что Гитлер, скорее всего, эту войну проиграет. Под давлением союзников Советского Союза Великобритании и США Ф.Франко вывел Голубую дивизию с советско-германского фронта. Близилось полное снятие блокады Ленинграда.

Для ленинградцев радость успешного наступления зимы 1944 года была омрачена видом пригородных дворцов. Пушкин и Павловск предстали перед советскими солдатами несчастными инвалидами: «Внутри дворца — хаос провалившихся, пустых залов, ободранные до кирпича стены. Всё разбито! Видны кое-где только поблескивающие куски золоченых фриз, раздробленные остатки медальонов, орнамента, барельефов. Эти остатки усугубляют впечатление, производимое разрушениями. Ни Янтарной комнаты, ни Большого зала, ни других прославленных на весь мир залов. Куда девались янтарь, паркетные полы, сделанные из амаранта, розового и черного дерева, мозаика; шелка старинных русских мануфактур?

Где великое множество находившихся здесь сокровищ? Уничтожены? Или вывезены в Германию? Знакомый с юности дворец предстает в прахе, в пепелище, в удручающем разорении.

Мы идем дальше. В залах, примыкающих к Zubовскому флигелю, — вонь и смрад, в них гитлеровцы устроили себе казарму. Окна прикрыты неокоренными бревнами, напиленными из тех же парковых вековых деревьев. Снаружи к флигелю примыкают блиндажи...

Мы выходим из дворца молчаливые, удрученные» [6, с. 221].

Оставили следы своего пребывания и испанские солдаты. Это были надписи и рисунки: «Длинный флигель Циркумференции завален навозом, двери из комнат в коридор вырваны, в каждой из комнат — стояло

для лошадей. Это сюда указывала стрелка у Третьего пруда, на которой написано по-испански: “Caballos alraso” [*Лошадей не ставить! — исп.*] и намалевано изображение лошади. Бродяги из испанской эсэсовской “голубой дивизии” устроили здесь конюшни!

Череп и скрещенные кости на камне под кружевными воротами, у въезда на Дворцовый плац со стороны Zubovskogo флигеля. Это, по-видимому, “памятник” лошади какого-нибудь из именитых испанских фашистов» [6, с. 221].

Не менее страшная картина предстала перед журналистом и в Павловске. По следам пребывания здесь оккупантов ему бросаются в глаза не только немецкие, но и испанские следы: «...И по милой с юности сердцу заветной дороге выезжаем из Пушкина в Павловск. Мы не узнаем ее: все то же разорение, что и везде! Изрублены на топливо, растасканы на блиндажи, взорваны дома. Посечены немецкими топорами кедры, лиственницы, горные сосны в парке. Спилены, подорваны аллеи лип. Весь Советский бульвар минирован. Гитлеровцы не успели убрать остерегающие надписи: там и здесь, среди опутавшей бульвар колючей проволоки, читаем немецкие и испанские обозначения: “Minen!”, “Attention minas!”.

На одном из уцелевших каменных домов на Слуцком шоссе черными буквами размашисто намалевано: “Villa Asturias”. Здесь происходили оргии фашистских молодчиков господина Франко, который напрасно старается уверить цивилизованный мир в том, что Испания не имеет никакого отношения к Восточному фронту» [6, с. 222-223].

На следующий день в город Пушкин приехала группа ленинградских писателей. Среди них была и Ольга Берггольц: «Жгучая обида рванула сердце: я вспомнила вдруг, как тогда, до войны, мы, хозяева, входили в этот дворец, надев войлочные туфли... Мы боялись царапину на полу оставить, мы лелеяли его... Товарищи, наш чудесный дворец разбит, разрушен! Чужеземцы, пришельцы, захватчики осквернили и разорили его. Только стены остались от него, а внутри все обвалилось, сквозь дыры окон видны кирпичи, скрученные балки, разбитые камни. Почти ничего не уцелело внутри дворца.

Из дверей большой анфилады с их неповторимой позолоченной резьбой немцы устраивали потолки в своих землянках, настилали их вместо пола. Мы видели это сами. В комнатах дворцового подвала, где жила испанская “Голубая дивизия”, мы видели обломки драгоценной резьбы. Видимо, здесь жил какой-то “любитель изящного”. Сюда было затащено пианино, а на крышке пианино лежал срубленный с карниза золотой купидон» [7, с. 255].

Испанские надписи и граффити бросались в глаза научным сотрудникам музеев, которые в первые недели после освобождения пытались определить уровень ущерба, нанесенного войной пригородным дворцам. Анатолий Михайлович Кучумов (будущий первый почетный гражданин города Павловска) писал своим коллегам, эвакуированным в Новосибирск, о том, что предстало перед его глазами. Вот что он писал 29 апреля 1944 года: «Спускаемся в нижние помещения галереи Екатерининского дворца. Вонь... грязь, тряпье и бутылки. Здесь жили испанцы. В коридоре устроена своеобразная капелла. У поперечной стены поставлены золотые колонны, снятые с иконостаса церкви, на них чаша и скрижали Моисея, между колонн резное сияние тоже с иконостаса, вокруг него целый хоровод ангелочков-амуров с карнизов церкви. Стоило для этого ломать чудную отделку Растрелли!» [7, с. 271- 272].

С результатом пребывания испанских солдат в Пушкине и Павловске пришлось работать не одному поколению советских, а затем российских реставраторов. Нельзя сказать, что эта работа уже завершена.

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-21-08001 «Советские судебные процессы над военными преступниками в 1943—1991 гг.: цели, функции и эффекты избирательной медиатизации».

1. Асташкин Д.Ю., Ковалев Б.Н., Кулик С.В. Нацистский режим на Северо-Западе России: Оккупация. Сопrotивление. Возмездие. СПб., 2018. 420 с.
2. Kleinfeld G.R., Tambs L.A. Hitler's Spanish Legion: The Blue Division in Russia. Southern Illinois University Press, 1979. 464 p.
3. Невское время, 6 апреля 2005 г.
4. Архив Государственного музея-заповедника «Павловск». Д. 14914.
5. «Свершилось. Пришли немцы!». Идеинный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны. М., 2012. 328 с.
6. Лукницкий П.Н. Ленинград действует... Фронтвой дневник: В 3 кн. Кн. 3. М., 1971. 584 с.
7. Цыпин В.М. Город Пушкин в годы войны. СПб., 2010. 328 с.

References

1. Astashkin D.Yu., Kovalev B.N., Kulik S.V. Natsistskiy rezhim na Severo-Zapade Rossii: Okkupatsiya. Soprotivlenie. Vozmezdnie [The Nazi regime in Northwest Russia: Occupation. Resistance. Retribution]. Saint Petersburg, 2018. 420 p.
2. Kleinfeld G.R., Tambs L.A. Hitler's Spanish Legion: The Blue Division in Russia. Southern Illinois University Press, 1979. 464 p.
3. Nevskoe vremya, 6 aprelya 2005 g. [Neva time, April 6, 2005].
4. Arkhiv Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika “Pavlovsk”, D. 14914 [The Archive of the State Museum “Pavlovsk”, file 14914].
5. “Svershilos’. Prishli nemtsy!”. Ideynny kollaboratsionizm v SSSR v period Velikoy Otechestvennoy voyny [“It has come true. The Germans have come!”: Ideological collaborationism in the USSR during the Great Patriotic War]. Moscow, 2012. 328 p.
6. Luknitskiy P.N. Leningrad deystvuet... Frontovoy dnevniki in 3 vols, vol. 3 [Leningrad acts... The frontline diary]. Moscow, 1971. 584 p.
7. Tsy-pin V.M. Gorod Pushkin v gody voyny [The town of Pushkin during the war]. Saint Petersburg, 2010. 328 p.

Kovalev B.N. Addressing the issue on destruction and damage to architectural monuments in the suburbs of Leningrad (1941—1944). The article analyzes the role of the allies of Nazi Germany, in particular, the Spanish Blue Division, in the destruction of architectural monuments in the suburbs of Leningrad. In 1941—1943, this armed unit was stationed in the North-West of Russia as a military ally of Nazi Germany. Spain did not officially declare war on the Soviet Union, so the Blue Division was considered a volunteer unit in the Wehrmacht. In 1942—1943, the Spanish soldiers fought in the town of Pushkin and that of Pavlovsk, and their vicinities.

Keywords: World War II, North-West Russia, Blue Division, occupation regime, destruction of architectural monuments.

Сведения об авторе. Б.Н.Ковалев — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН. bnkov@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.11.2018.